
ДИСКУССИЯ

МЫСЛЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© 2014 г. В. Д. Шадриков

Академик РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва; e-mail: shadrikov@hse.ru

Представлены результаты исследования фундаментальной проблемы психологии: что такое человеческая мысль, каковы механизм ее порождения и структура. Рассматриваются нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие порождение мысли. Обосновывается понимание мысли как потребностно-эмоционально-содержательной субстанции. Раскрываются отношения мысли и образа, а также мысли и слова, в котором эта мысль выражается. Дается анализ процесса интеллектуализации мысли и образа. Обосновывается необходимость введения понятия “мысль” в категориальный аппарат психологии.

Ключевые слова: категориальный аппарат, человеческая мысль, механизм порождения, структура, информация, интеллектуализация, мысль и образ, мысль и слово.

Подготовка данной статьи вызвана несколькими обстоятельствами. *Во-первых*, существует профессиональная потребность сформулировать одно из наиболее значимых понятий психологии – определение мысли. *Во-вторых*, высказать свое отношение к так называемой “компьютерной метафоре”, а вместе с этим дать ответ представителям “новой” психологии, которые без ложной скромности утверждают, что, “несмотря на огромный вклад в развитие психологии ее основоположников, труды их представляют в большей степени исторический интерес. Воздадим им должное” [7, с. 8]. С данными “почетными похоронами” вряд ли можно согласиться. Скорее можно сожалеть о том, что представители “модных” направлений ушли от традиционного предмета психологии. *В-третьих*, попробовать рассмотреть традиционные понятия, связанные с процессом познания, с позиции новых данных, накопленных в психологии и нейропсихологии.

Еще Аристотель писал, что мысль занимает центральное место в представлении о сущности человека. Все добродетели души, как утверждал Аристотель, относятся или к нраву, или к мысли. На протяжении последующих двух тысячелетий лучшие умы человечества постоянно обращались к вопросу о сущности мысли. Достаточно полный анализ по этому вопросу содержится в рабо-

те В.П. Зинченко “Опыт думания о думании” [4]. Но постепенно эта проблематика ушла из психологии. И даже мышление стало рассматриваться в отрыве от мысли.

В своей работе мы будем опираться на основные принципы психологического исследования: *принцип психофизического единства* в понимании С.Л. Рубинштейна, который выделял две его стороны: “первая связь психики и ее субстрата раскрывается как отношение строения и функции, вторая связь – это связь сознания как отражения, как знания с объектом, который в нем отражается” [10, с. 26]. При этом важно учитывать положение, сформулированное Л.М. Веккером, касающееся специфики исследования психических процессов, согласно которому процессуальная динамика механизма и интегральная характеристика результата в психологическом акте отнесены к разным предметам: первая – к органу, вторая – к объекту. Вторым принципом исследования является *принцип единства деятельности и сознания*. Согласно этому принципу, мысль всегда будет носить функциональный характер, отражать мотивацию субъекта деятельности. И, наконец, третий принцип, на который опирается исследование, – это *принцип единства знания и переживания*. Он позволяет раскрыть связь мыслей и переживаний.

В настоящей статье мы затронем следующие вопросы и попробуем на них ответить:

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-06-00132).

- Что такое предметная мысль?
- Каков нейрофизиологический механизм порождения мысли?
- Какова содержательная характеристика мыслей и образа? Субъективация мысли и образа?
- Какова структура мысли и образа? Субстанциональная характеристика? Выражение мысли в слове?

1. Опираясь на приведенные принципы исследования, попробуем ответить на вопрос: “что такое мысль?”. Для этого предварительно ответим на вопрос, какова функция психики в целом, какое место в ней отводится мысли?

Общепринято, что психика возникла для обеспечения выживания живых организмов и ее развитие связано с усложнением среды обитания. Но что означает обеспечить выживание? Это значит избежать угрозы для жизни и отыскать то, что обеспечит организм необходимым питанием и создаст условия для размножения (продолжения рода и вида). Для этого необходимо, чтобы психика давала сведения об окружающем мире, связанные с выживанием, и организовывала поведение на основе информации о текущем состоянии окружающей среды и опыта, имеющегося у человека. Таким образом, роль психики всегда носит *функциональный* характер. Функция психики заключается в обеспечении человека сведениями об окружающей среде и построении адаптивного поведения.

В дальнейших рассуждениях ограничимся познавательной функцией. Что значит познать? Это, во-первых, обеспечить выделение отдельных предметов из окружающей среды, во-вторых, выявить отдельные признаки у предметов, в-третьих, установить значение этих признаков для процесса выживания и развития. В категориальном аппарате психологии такое выделение предметов и их признаков осуществляется в процессах ощущения и восприятия. Результатом выступают *образы вещей* и их признаки. Таким образом, первая функциональная задача психики – формирование образов предметов внешнего мира и их признаков. Важно подчеркнуть ключевой момент – единство образа и его признаков. Образ без признаков превращается в фантом. *Единство образа и его признака выражается в мысли*. Мысль несет в себе *связь* образа и его признака.

2. Реализуя принцип психофизического единства, рассмотрим процесс рождения мысли с позиций нейропсихологических знаний.

И.М. Сеченов, рассматривая физиологический механизм порождения мысли на уровне физиологических представлений своего времени, писал, что “раздельности объектов соответствует раздельность физиологических реакций восприятия и их следов в нервной организации; сопоставлению их друг с другом – преемственность распространения нервных процессов при актах восприятия, а связующим звеньям (направление сопоставления) – частичное сходство между последовательными реакциями восприятия и их следами памяти” [11, с. 301]. Воспринимая один и тот же предмет многократно в условиях изменчивости объективных и субъективных условий восприятия, человек выделяет в предмете отдельные его признаки и одновременно воспринимает весь предмет. Это одновременное восприятие предмета и его признака и составляет настоящую *предметную* мысль.

Современные нейропсихологические исследования позволяют перейти к рассмотрению психологических функций со стороны реализующих их мозговых процессов. Как пишет К. Прибрам, «в 60-е годы XX века поведенческая психология оценила основную идею гештальтпсихологии о том, что субъективно переживаемое сознание является столь важной частью биологического и сознательного мира и что его нельзя игнорировать при изучении поведения. Таким образом, “респектабельные” психологи начали изучение таких проблем, как познание, мышление и внимание. А к концу 60-х годов столь открыто и без особых рисков обсуждается на встречах психологов проблема формирования образов» [8, с. 120]. Одной из центральных проблем этих исследований стало изучение нейропсихологических механизмов порождения образов, а также проблема выделения признаков, из которых состоит образ.

“Исследования, проведенные с помощью микроэлектродов, – пишет Прибрам, – показали существование нейронов, которые отвечают только на то или иное воздействие стимула, например, направление движения, наклон линии и т.д.” [там же, с. 129]. Исследования самого Прибрама показали, что «узнавание структур есть результат операции выделения признаков, имеющей место на самом входе и возникающей с помощью отдельных нейронов или их небольших групп... что восприятие зрительных структур осуществляется посредством иерархической системы таких “детекторов признаков”» [там же, с. 146]. При этом одной из характерных особенностей выделенных признаков является то, что это происходит при участии нейронов памяти, сама же система вос-

приятия находится под контролем своей собственной истории и является самоадаптирующейся системой.

На основе собственных исследований и других научных данных Прибрам делает вывод о том, что “неправильно рассматривать перцептивные процессы как безобразный анализ признаков” [там же, с. 153]. Признаки всегда связаны с образом, и эта *связь признака с образом и составляет предметную мысль*. Создающаяся система отношений между образом и его признаками *составляет сущность познавательного процесса*. А так как отношение между признаком и образом реализуется через мысль, то и *сущность познавательного процесса определяется отношением мыслей*.

Значительный фактический материал, проливающий свет на нейропсихологическую основу порождения и функционирования мысли, мы находим в исследованиях, выполненных под руководством Н.П. Бехтерева [3].

В этих исследованиях была показана неразделимая связь эмоциональной и мыслительной деятельности, что служит экспериментальным подтверждением нашему положению о единстве в мысли интеллектуальной, мотивационной и эмоциональной составляющих.

Детальное изучение структурно-функциональной организации мозга человека с помощью стереотаксического метода позволило выявить в структуре мозга человека структурно-функциональные единицы, обеспечивающие базисный анализ простых сигналов внешнего и внутреннего мира и реализацию ответов на них.

Ряд видов психической деятельности запрограммирован генетически. В этом случае целесообразно говорить о развертывающейся психической деятельности, а не о развивающейся в течение жизни.

В исследованиях было показано, что анализ сложных сигналов осуществляется на уровне групп ансамблей нервных клеток, “работающих в том нужном согласии друг с другом, которое создает новое качество” [3, с. 111].

Изучение нейрофизиологических основ психической деятельности, связанной с восприятием смысловых свойств и простейших мыслительных операций, позволило установить, что отражение смысловых свойств связано с перестройкой импульсной активности нейронных популяций, и существуют нейрофизиологические признаки смысловой общности. Были обнаружены и нейрофизиологические корреляты простейших мыслительных операций.

Полученные в исследовании данные, как пишет Н.П. Бехтерева, свидетельствуют о том, что психическая деятельность обеспечивается ансамблями как корковых, так и глубоких структур мозга. “Рабочая гипотеза может быть сформулирована так: в ряде зон мозга, не являющихся классическими слуховыми образованиями, при восприятии, удержании в памяти и воспроизведении слов формируются паттерны, в которых отражаются акустические и смысловые характеристики слов, по-видимому, его моторные характеристики, а сам паттерн и его динамика подчинены базису долговременной памяти, сформировавшемуся в результате индивидуального опыта” (см. [3, с. 136–137]).

Изучение сложных видов психической деятельности типа обобщения, умозаключения, принятия решений также выявило нейрофизиологические корреляты этих процессов.

Рассматривая роль отдельных психических функций в обеспечении психической деятельности, Н.П. Бехтерева отмечает, что “было бы неправильным ставить память наравне с другими функциями мозга. Память является базисным механизмом, свойством мозга, и факт ее организации также, по-видимому, по системному принципу не должен как бы низводить ее на уровень других систем. Память – тот основополагающий механизм, который лежит в основе проявления всех онтогенетически формирующихся видов деятельности и соответственно всех обеспечивающих их мозговых систем” [там же, с. 171–172]. И далее: “Генетически у человека имеются высокосоввершенные предпосылки к психонервной памяти, реализующиеся в процессе обучения индивидуального и особенно социально обогащенного развития. Так, не только обучение смысловому значению слов, но и использование их как *важнейших единиц мыслительной деятельности* (курсив мой. – В.Ш.) осуществляется в ходе индивидуального развития человека в условиях общения с особями данного биологического вида” [там же, с. 154].

3. Определив мысль через связь вещи и ее признака, мы выявили только одну сторону мысли. Важно отметить, что восприятие, как уже отмечалось, носит функциональный характер; признаки воспринимаемой вещи всегда носят функциональный характер, т.е. имеют непосредственное отношение к деятельности или поступку, которые совершает субъект восприятия. Следовательно, признак вещи наделяется конкретным значением, определяемым сущностью выполняемой деятельности. Таким образом, мы можем констатировать,

что мысль не только отражает связь вещи и ее признака, но и наделена определенным *содержанием*, выраженным через значение воспринимаемого признака для деятельности субъекта. Иными словами, отношение между признаком и образом реализуется мыслью, которая несет в себе определенное функциональное содержание. В данном случае мы имеем дело с реализацией психофизического принципа в трактовке С.Л. Рубинштейна. Мысль, с одной стороны, отражает отношение нейропсихологического субстрата и психологической функции, с другой – содержание мысли отражает ее связь с объектом, который воспринимается. При этом содержание образа носит функциональный характер, в чем реализуется принцип единства сознания и деятельности.

Высказанные выше суждения позволяют перейти к содержательной характеристике образа и мыслей.

Как мы отмечали, мысль отражает объективное содержание. В каждой мысли схватывается только одна сторона предмета. И с образом первоначально связаны мысли, относящиеся к внешней стороне предмета. В дальнейшем происходит раскрытие содержания этих мыслей – внешних признаков. Субъект стремится установить их значение и личностный смысл. Этот процесс раскрытия значения и содержания мыслей и образа составляет сущность процесса их интеллектуализации. Происходит это в процессе жизнедеятельности. Образ и его мысли-признаки включаются в процесс жизнедеятельности, в котором и устанавливается их семантика. Таким образом, мысль-признак нагружается конкретным значением – содержанием, мысль обогащается. Одна и та же мысль-признак, включенная в различные ситуации и формы жизнедеятельности, будет наделаться все новым и новым содержанием.

Далее необходимо отметить, что мысль не только отражает качества вещи, которые преобразуются в субъективный образ. *Мысль рождает мыслящий человек*, поэтому она всегда носит субъективный характер. Этот процесс субъективации мысли идет по *трем направлениям*:

- в мысли опредмечивается потребность мыслящего субъекта;
- мысль “оборачивается” в нравственные устои субъекта;
- происходит социокультурная субъективация мыслей.

В той мере, в какой человек воспитан в определенной культуре, он будет воспринимать и внешний мир. Например, для нас мак – это цветок и ра-

стение, обладающее апотропейными свойствами, а для русского крестьянина – это и действенный оберег от нечистой силы. Для современного человека куница – животное, обладающее ценным мехом, а в народных представлениях – животное, наделенное женской брачной, эротической и ткаческой символикой. Кукла воспринимается как атрибут детских игр, а в народных верованиях – вещь для обрядово-магических действий. Слово “круг” в современном понимании – это в основном геометрическая фигура, а в бытовом – наиболее значимый мифологический символ, отражающий представление о циклическом времени, деление на “свое” и “чужое”, движение по кругу, имеющее особый магический смысл². Люди, воспитанные в разных культурах, будут наделять одни и те же предметы различным (не совпадающим) значением, и мысли, возникающие при этом, будут различными. По этому поводу О. Шпенглер писал: “Мы едва ли в силах даже представить себе, сколько великих мыслей чужих культур нашли в нас свою погибель, поскольку мы, исходя из *нашего* мышления и его границ, не смогли их ассимилировать, или, что то же, ощущали их ложными, ненужными, бессмысленными” [13, с. 218]. Таким образом, наполнение образа мыслями будет зависеть от социально-культурных факторов.

Второе направление субъективации мысли будет зависеть от нравственных устоев человека. Мы уже отмечали суждение Аристотеля о том, что все добродетели души относятся или к нраву, или к мысли. Но необходимо пойти и дальше – сама мысль зависит от нравственности человека. Здесь мы имеем дело не с дизъюнкцией, а с конъюнкцией (по А.В. Брушлинскому). Как тонко отмечает А. Бергсон [1], в предистории человечества ум и мораль существовали в единстве, как единое целое, ум и мораль, содержащиеся в друг друге. И если углубиться в историю, то мы обнаружим мораль, более близкую к уму, и ум, более близкий к морали, чем у современного человека. Ум оформлял моральное требование. Мораль руководила сообществом людей и поведением человека внутри сообщества. Но и сегодня действие ума опутано и контролируется моралью, а в морали проступают действия рассудка. Мораль направляет восприятие и определяет не только образ восприятия вещи, явлений, событий, но и содержание этих образов и мыслей, связанных с ними. Оформление мыслей и образов под влияни-

² Подробно с этнолингвистическим смыслом различных понятий славянской культуры можно ознакомиться в пяти-томнике: Славянские древности / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2005–2011 гг.

ем требований морали мы также отнесем к интеллектуализации образов.

Отметим, что обычно под образом понимают образ вещи, но мы не оговорились, когда отнесли образ к явлениям и событиям. Если понимать под образом связанную с ним систему мыслей, то тогда и явления и события будут иметь свой образ.

Н.А. Бернштейн показал: “Ни одно движение (может быть, за редчайшим исключением) не обслуживается по всем его координационным деталям одним только ведущим уровнем построения... В начале формирования нового индивидуального двигательного навыка, действительно, почти все коррекции суррогатно ведутся уровнем-инициатором, но вскоре положение изменяется, каждая из технических сторон и деталей выполняемого сложного движения рано или поздно находит для себя среди нижележащих уровней такой, афферентации которого наиболее адекватны этой детали по качествам обеспечиваемых или сенсорных коррекций. Таким образом, постепенно в результате последовательных переключений и скачков образуется многоуровневая постройка, возглавляемая ведущим уровнем, адекватным смысловой структуре двигательного акта и реализующим только самые основные, решающие в смысловом отношении коррекции” [2, с. 54]. Таким образом, осмысливаются ведущий уровень коррекций и отдельные параметры действия, которые и *отражаются в определенных мыслях*. В целом же движение и действие воспринимаются как образ движения-действия, наполненный отдельными мыслями о параметрах движения. Именно отражение действия в образе и мыслях движения становится предметом психологического изучения.

В заключение рассмотрим процесс интеллектуализации мыслей и образов, обусловленный потребностями мыслящего субъекта. Как показали исследования, выполненные в школе К.В. Судакова [12], актуальная потребность, связанная с жизненно важной константой, формирует мотивационное состояние, определяющее активное отношение к раздражителям внешнего мира, приводит в действие прошлый опыт и тем самым способствует целенаправленной организации поведения. На основе доминирующей мотивации формируется химическая избирательность корковых механизмов и осуществляется отбор раздражителей внешнего мира, способных удовлетворить актуальную потребность. Важно отметить, что мотивационное состояние, связанное с актуальной потребностью, сопровождается эмоциями. И как следствие — *опредмеченная потребность, в виде свойств предметов внешнего мира, сопровожда-*

ется эмоциями. Таким образом, мысль, отражающая связь потребности со свойствами предметов внешнего мира, способных удовлетворить актуальную потребность, сопровождается *переживанием*. Внимательный читатель обратил внимание, что, рассматривая проблему связи мысли и мотивации, я употребил термины “эмоции” и “переживания”. Дело в том, что на уровне нейропсихологических механизмов организации поведения мы говорим о нервном субстрате, регулирующем целенаправленное поведение, и используем биологические термины. На психологическом же уровне анализа проблемы мы говорим о желании и хотении, о мысли, образе и переживании. Нервный субстрат эмоций выступает в этом случае как система биологических детекторов, переводящая сигнал о потребностях в ощущение (чувство) удовольствия—неудовольствия, и, таким образом, возникающая биологическая потребность *переживается* как психологический факт. Переживание может осознаваться и не осознаваться. Существует порог осознания переживания. Таким образом, с учетом функционального характера психики мысль как отражение определенного свойства предмета, способного удовлетворить актуальную потребность, сопровождается переживанием.

4. Сказанное выше позволяет высказать суждение *о структуре мысли: она включает три компонента: содержание, потребность и переживание*. Именно в единстве трех выделенных компонентов мысль предстаёт как *живое знание*. В своей связи с потребностями и переживаниями мысль отличается от информации, которая характеризуется только содержанием.

Рис. Формирование мысли и образа.

Нам представляется, что именно в этой структуре мысли, а следовательно, и образе заключаются её уникальные свойства, проявляющиеся в том, что человек мыслит мыслями. Мысль представляет собой *потребностно-эмоционально-содержательную* субстанцию и таковой входит в содержание внутреннего мира человека. В таком виде она и сохраняется в памяти человека: связанной с предметами внешнего мира и их свойствами, потребностями человека и его переживаниями (см. рис.).

Остановимся на проблеме осмысления образов, наполнения их мыслями.

Содержанием образов, возникающих в результате восприятия предметов внешнего мира, являются мысли-свойства этих предметов. *На уровне психологического анализа образ предмета выступает как совокупность мыслей* о свойствах этого предмета, объединенных в единое целое (предметность и целостность), характеризующихся определенным постоянством, обобщенностью (связью с целостным предметом), осмысленностью и т.д. Рассматривать осмысленность образа вне составляющих его мыслей становится проблемой. Если мысль мы определили как потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию, то образ будет выступать как субстанция мыслей – *образ-субстанция*. А что это означает? К понятию “субстанция”, как пишет С.Л. Рубинштейн [9], мы с необходимостью обращаемся, когда делаем попытку отразить *сущность* вещи. В данном случае к понятию “субстанция” мы обращаемся, определяя сущность образа. В соответствии со свойствами субстанции образ-субстанция будет пониматься как устойчивая совокупность мыслей, как пребывающая во времени сущность и ее *проявления*, как сущее, причина которого в нем самом. То есть образ, сформированный как субстанция мыслей, будет существовать во времени и проявлять свою сущность в отношениях субъекта как с внешним миром, так и с внутренним, определяя содержание его мышления. Исходя из обозначенного подхода, следует вывод: образ-субстанция может относиться не только к предметам, но и событиям, явлениям. Из всей совокупности образов-субстанций будет складываться содержание внутреннего мира человека, включающее образ и внешнего мира, и самого себя, насыщенный различными событиями.

Потребности и переживания являются той детерминантой, которая вовлекает необходимые мысли в решение задач, стоящих перед субъектом, т.к. их решение связано с определенной мотивацией. Они же помогают осознать мысли,

вовлекаемые в процесс решения. Из сказанного становится понятно, что мысль, существующая во внутренней речи, приобретает новую функцию внутреннего организатора нашего поведения (см. [5, с. 199]). Мысль рассматривается не только как информация, она тесно связана с потребностями и переживаниями. Включенный в деятельность образ-субстанция развивается в деятельности, проходит процесс интеллектуализации и организует деятельность.

Образ имеет двойную природу: содержательную и процессуальную. Соотношение этих частей носит функциональный характер и зависит от задач, решаемых субъектом, и от способа мышления. То же самое мы можем сказать о представлении и понятии. Представленность этих двух составляющих зависит от способа формирования понятия и его интеллектуализации. Способ мышления будет определяться природой мыслительного процесса. Такой подход соответствует современным представлениям о языках мозга. Как показал К. Прибрам, существуют, с одной стороны, нейрофизиологические механизмы детекции отдельных признаков и их анализа (о чем мы писали выше), а также конкретных нейронных групп, которые могут комбинироваться в *логические операции*, определяющие аналитические и контрольные функции нервной системы, с другой – существуют голографические механизмы, обеспечивающие “способность к распределению и сохранению большого количества информации” [8, с. 161–162]. «Любая малая часть голограммы содержит информацию обо всем “объекте-оригинале”» [там же, с. 170], что позволяет работать с целостным образом предмета, события. Образы восстанавливаются, когда активизируется только часть системы, связанной с этим образом. Запускающим моментом этого процесса могут служить мотивация или переживания, связанные с образом. По этому поводу Прибрам пишет, что запускающим фактором могут служить не только зрительные стимулы, но и условия подкрепления и “намерения” осуществить тот или иной тип ответа [там же, с. 174].

Важным для нас является пример, приведенный Прибрамом, и отнесенный к свойствам памяти. Это относится, во-первых, к способности узнавать практически мгновенно знакомого человека в толпе других людей, а, во-вторых, “после узнавания данного лица быстро воспроизвести значительное количество информации, которой мы о нем располагаем” [там же, с. 178]. Очевидно, это будет способность наполнять образ мыслями.

Важно также отметить факт, зафиксированный Х. Дельгадо. Анализируя совокупность данных, связанных с электрическим раздражением мозга (ЭРМ), он делает очень важный вывод о том, что “нейроны сохраняют полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию (зрительную, слуховую, проприоцептивную и т.д.), а также эволюционное звучание событий” [6]. Раздражение отдельных структур мозга приводит к актуализации прошлого опыта, при этом, что особенно важно подчеркнуть, воспроизводимый эпизод жизни представляется не как воспоминание, а как реальное ощущение. Так, например, при электрическом раздражении височной доли мозга, пишет Дельгадо, участники эксперимента слышали звуки музыки. Иногда это был определенный мотив, который человек узнавал, а в некоторых случаях ему казалось, что в комнате включили радио или проигрыватель. Звук воспринимался настолько реально и ясно, что можно было различать отдельные инструменты оркестра или слова песни. Эти галлюцинации не были застывшими, и они разворачивались во времени как реальный процесс. Вспоминались не только предметные события, но и эмоции, испытанные при том или ином восприятии: раздражение одних структур вызывало дружелюбие, других – порождало агрессию и тормозило отдельные поведенческие реакции.

“Любая поступающая извне сенсорная информация обычно несколько искажается в процессе индивидуальной интерпретации, которая в значительной степени определяется прошлым опытом и факторами культуры” [6, с. 156]. В известных пределах эти индивидуальные искажения рассматриваются как норма.

Необходимость выражения мысли в слове возникает при передаче ее другому. Слово в этом случае выполняет функцию сигнала³. Слово несет определенное содержание. В процессе словообразования связь его с содержанием определяется тем, кто слово порождает. В различных языках эта связь слова и содержания может существенно различаться. Но нас в данном случае интересует только один аспект: как отражается содержание мысли в слове. Образ как субстанция мыслей может нести наряду с основными мыслями-признаками еще и мысли, связанные с несущественными признаками или признаками-мыслями, привноси-

мыми в образ субъектом, в соответствии с его мотивацией и переживаниями. Индивидуальный образ всегда субъективен. Основные мысли в этом образе сопровождаются дополнительными, которые выступают в роли “обертонов” для основных, сущностных мыслей-признаков. За счет этих мыслей-обертонов индивидуальный образ гармоничен, отражает индивидуальное восприятие мира субъектом. При выражении индивидуального образа в слове теряются многие обертоны. Формирующееся значение слова, отражающее индивидуальный образ, огрубляет этот образ, но при этом он сохраняется как субстанция мыслей. Это огрубление мысли, выраженной в слове, тонко подметил Ф. Тютчев, когда писал: “мысль изреченная есть ложь”. Слово, отражающее образ, всегда беднее образа, порождавшего это слово. Оно передает только основные (сущностные) мысли. Но слушающий дополняет мысли, содержащиеся в слове, своими обертонами. В этом процессе “опредмечивания и распредмечивания”, превращения образа-субстанции в слово, носитель сообщения (информации) и понимание слова как перевод его снова в субъектный образ-субстанцию заключена сущность процесса общения.

Интересно отметить, что Казимир Малевич, придумывая февразисмы, записывает обычные фразы и обводит их рамкой. При этом он исходит из того, что, увидев написанное слово, человек нарисует в воображении свою иллюстрацию к этому слову. Слово выступает предельной абстракцией, которую воспринимающий интегрирует субъективно-индивидуально. В понимании Малевича, слово – это тоже картина, образ. Образ, наполненный индивидуальными мыслями и чувствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди самых сложных задач, с которыми сталкивается любая наука, выделяются задачи формирования ее категориального аппарата. Проведенный анализ позволяет уточнить категориальный аппарат психологии с позиции возвращения фундаментального понятия “мысль” в число базовых категорий. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, никто не сомневается, что мысль является предметом изучения психологии, а с другой, это понятие остается не разработанным, мало того, в связи с развитием кибернетики и компьютерной революцией психологии стали использовать понятия этих отраслей знаний, в психологии глубоко укоренилась “компьютерная метафора”. Психологи стали отходить от традиционных по-

³ Сигнал (от лат. *signum* – знак) – физический процесс (или явление), несущий сообщение (информацию) о каком-либо событии, состоянии объекта наблюдения, либо передающий команды управления, указания, оповещения (СЭС, 1987. С. 1205).

нений, в том числе и от мысли как основной психологической категории. Часто можно встретить исследование мышления без мысли.

Полученные в исследовании результаты позволяют дать ответ на вопрос, что такое мысль, какова ее структура и нейрофизиологические механизмы. Сущность мысли раскрывается через понятие субстанции, включающей в себя предметное содержание, мотивацию и переживание.

В контексте понимания мысли как субстанции рассматриваются понятия мысли и образа. Предлагается рассматривать образ как совокупность мыслей о свойствах предмета, объединенных в единое целое (предметность и целостность), характеризующееся постоянством и осмысленностью. С этих позиций образ будет выступать как субстанция мыслей, пребывающая во времени сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом.

Отражение мыслей в слове рассматривается с позиции “опредмечивания и распредмечивания”. Индивидуальный образ, в котором определен предмет восприятия, не только содержит сущностные мысли-признаки, но и насыщен индивидуальными мыслями-обертонами. Значение индивидуального образа, выражаемого в слове, объединяется, но воспринимающий слово обогащает его своими сведениями и смыслами.

В работе представлен процесс интеллектуализации мыслей и образов.

Полученные в исследовании результаты в перспективе позволят с новых позиций подойти к проблемам восприятия, представления, воображения, мышления, наполняя их мыслями и

взаимопереходами этих мыслей. Открываются перспективы новых подходов к диагностике способностей и интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
2. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. Избранные психологические труды / Под ред. В.П. Зинченко. М.–Воронеж: Ин-т практ. психологии; МОДЭК, 1997.
3. Бехтерева Н.П. Здоровый и больной мозг человека. Л.: Наука, 1980.
4. Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., Петровский В.А., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. Гл. 10.
5. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991.
6. Дельгадо Х. Мозг и сознание. М.: Мир, 1971.
7. Когнитивная психология: Учебник для студентов вузов / Под ред. В.Н. Дружинина и Д.В. Ушакова. М.: Пер СЭ, 2002.
8. Прибрам К. Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.
9. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, М., Харьков, Минск, 1999.
11. Сеченов И.М. Элементы мысли. Избр. произведения. Т. 1. Физиология и психология. М.: АН СССР, 1952.
12. Судаков К.В. Биологические мотивации. М.: Медицина, 1971.
13. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993.

“THOUGHT” AS AN OBJECT FOR PSYCHOLOGICAL STUDY

V. D. Shadrikov

Full Member of Russian Academy of Education, Sc.D. (psychology), professor of general and experimental psychology chair, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

The results of fundamental psychological problem’s study – ‘what is a human thought’, ‘what is a mechanism of its generation’, and ‘what is a structure of human thought – are presented. The neurophysiological mechanisms that ensure the thought generation are discussed as well. The definition of thought as a need-emotional-intentional substance is provided. The thought-image and thought-word relationships are exposed. The analysis of thought and image intellectualization process is given. The necessity of introducing the notion ‘thought’ into categorial apparatus of psychology is argued.

Key words: categorial apparatus, human thinking, generation mechanism, structure, information, intellectualization, thought and image, thought and word.